

УДК 94(47),083:070(091)

КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОБЪЕКТИВЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Т. А. Филиппова

РАН, Институт российской истории, г. Москва, Россия

Статья посвящена изучению процесса медийного конструирования образа Турции и «турка» как исторического соседа, соперника, врага и жертвы эпохи Первой мировой войны в российской сатирической журналистике начала XX в., а также трудного и драматического опыта преодоления фобийных составляющих этого образа. Значение и актуальность подобной исследовательской и научно-практической задачи состоит в том, что подобный подход помогает не только выявлению истоков «языка вражды» в медийной сфере, но и его аналитической деконструкции. На материалах популярной журнальной сатиры 1913–1918 гг., освещавшей события на Кавказском фронте, автор показывает, как шёл процесс актуализации, а затем и демифологизации ряда бытовавших в российском общественном сознании «наследственных» стереотипов и фобий в адрес «турка» и Османской Турции.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Кавказский фронт, российская сатира, российская карикатура, Османская империя, образ врага, младотурецкая революция, «Новый Сатирикон», «Шут», «Бич».*

Для историков, специалистов в области политической культуры, культурной антропологии и исторической психологии изучение реакции человеческого сообщества на кризисные эпохи в истории народов представляет собой острый интеллектуальный вызов. В этом смысле сатира – как способ апроприации обществом опыта войны – способна обеспечить исследователя своего рода ключом для проникновения в жестокую повседневность психоистории революций и войн.

Первая русская революция (1905–1907), Младотурецкая революция (1908), очередные дипломатические и военно-политические осложнения на Балканах и в Малой Азии (1911–1913), обострение национальных и конфессиональных проблем в империях Османов и Романовых – при всей своей конкретно-исторической специфике – демонстрировали впечатляющее единство задач и проблем модернизации, поставленных временем перед двумя евроазиатскими державами-соседями и историческими противниками – Россией и Османской Турцией. Неудивительно, что бурные военно-политические события начала XX столетия послужили «пусковым механизмом» массового творчества, в том числе и журналистского, в формате разработки нового языка вражды. Обострение внешнеполитического соперничества с европейскими державами по поводу политического и эконо-

мического присутствия России в Азии лишь добавляло напряжённости отражению этой ситуации в сфере журналистики, особенно сатирической. Роль же сатирической литературы и рисунка как способа отрегирования и сублимации соответствующих страхов и надежд, приятней и неприятней возрастала по мере вползания мира в зону глобального кризиса, вылившегося в итоге в Первую мировую войну. Деление мира на «своих» и «чужих», союзников и врагов становилось важнейшей стратегией журналистского осмысления картины бытия, а также воспроизведения и транслирования её читателю.

При всей желанности и своевременности преобразований в Османской (младотурецкие реформы) и Российской (столыпинские преобразования) империях, формы и характер их проведения с неизбежностью добавляли новые источники кризисности в политической и общественной жизни двух стран. Специфика модернизационных процессов в России и Турции – их «догоняющий» (по причине запоздания) и ускоренный (по той же причине) характер, инициатива «сверху» в деле замысла и осуществления преобразований, различие в темпах перемен и «перепаде скоростей» в различных областях общественно-политической и экономической жизни, травмирующее воздействие ряда реформ на структуры общественного сознания – всё это добавило драматизма восприятию перемен как в турецком, так и российском обществе. В условиях кризиса управляемости государством, культурных срывов и наведённой фобийности массового сознания подобная ситуация закономерно приводила к поискам (и нахождению) *врага*. От глубины социопатических состояний зависела и степень масштабности (то-тальности) его образа¹.

Подобная ситуация, не добавляя взаимной приязни «друзьям по несчастью», всё же не могла не вызвать интереса к тому, как сосед по географии и соперник по геополитике решает свои задачи социально-политического обновления. Тем более, что шок от революционного «старта», предварившего очередной виток рецидивирующих модернизаций в России и Турции в начале XX в., заставил правящие элиты, политиков, учёных и общественных деятелей двух стран спешно искать пути обновления, присматриваясь к чужому опыту и пытаться учиться на своих и чужих ошибках. Конкуренция моделей переустройства традиционных империй и соперничество западных проектов, которые стояли за этими процессами, существенно драматизировали восприятие журналистами-сатириками ближайшего геополитического «соседа» России на фоне хронически воспалённого «восточного вопроса».

Инерция имперского расширения на рубеже XIX–XX столетий, риторические высказывания ряда российских политиков и общественных деятелей на застарелую тему «водружения креста на Святую Софию» во

¹ Подробнее: Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарии, анализ. М., 2010. С. 5.

Buldakov V. P., *Khaos i etnos. Etnicheskie konflikty v Rossii 1917–1918 gg.: usloviya vozniknoveniya, khronika, kommentarii, analiz*, M., 2010, S. 5.

многим служили задачам поддержания образа России как влиятельного субъекта мировой политики в Европе и в Азии и продвижения «патриотический дискурс» внутри страны. Политическим контекстом для подобной имперской фразеологии были серьёзные перемены в «партитуре» концерта великих держав. Последнее десятилетие XIX и начало XX в. в ведущих странах Запада были отмечены переходом от традиционно-династического курса на поддержание баланса сил к более активной и технологичной стратегии в сфере мировой политики². Состоявшийся передел мира и образование замкнутой политической системы глобального масштаба стали не концом прежнего, но началом нового витка международной напряженности.

Вполне закономерно, что в этом актуальном контексте восприятие и интерпретация образа Турции в русской журнальной сатире заняли важное место и приобрели особую роль в общей системе нарративных и визуальных образов Востока. Именно в лице «турка» и Турции с особой полнотой и «плотностью» отложились все пласты восприятия «иног», «чужого», «врага с Востока», издавна формировавшие общественное сознание, историческую память и этнокультурное восприятие русских. «Степняк», «кочевник», «ордынец», «крымчак», «гроза Балкан», «осман-завоеватель» – все эти знаковые для исторического сознания россиян грани общей мифологии «врага с Востока» и связанных с ним исторических фобий сосуществовали в этом обобщённом образе вражды, в той или иной мере влияя на восприятие реального южного соседа. Начало Первой мировой и кровопролитные бои на Кавказском фронте войны небывало обострили упомянутые процессы, создав для России и её военной журналистики «восточное измерение» Великой войны.

Важнейший вопрос этой темы, непосредственно связанный с этическими и ценностными аспектами подобной общественной рефлексии, состоит в том, что язык, риторика и образы вражды в отношении Турции непосредственно и актуально оказывались связанным (в каждый конкретный исторический момент) с самоопределением «от противного». Наиболее точно и кратко сформулировать этот вопрос можно так: скажи мне, кого и за что ты ненавидишь (или боишься), и я скажу, что у тебя болит. За подобным образом обретаемой «негативной идентичностью», по мысли исследователя, стоит не «изобретение» факторов угрозы, а лишь актуализация «находящихся в культурном “депо”, на периферии общества давних общеизвестных представлений, обычно выступающих лишь в качестве средств первичной социализации, мифологических структур массовой идентичности»³. Историческая контекстуальность «дизайна» создаваемых в подобном формате образов, стереотипов и клише становится в этом случае особенно очевидной и показательной.

² См.: Тарановски Т. Между Европой и Азией: небеспорная симметрия // Родина. 1995. № 8. С. 73.

Тарановски Т., *Mezhdru Evropoi i Aziei: nebesspornaya simmetriya*, Rodina, 1995, № 8, S. 73.

³ Гудков Л. Негативная идентичность. М., 2004. С. 560.

Gudkov L. *Negativnaya identichnost'*, M., 2004, S. 560.

Отметим и особые свойства «турецкой» темы, отмечавшиеся некоторыми исследователями и проявившиеся в создании соответствующих сатирических образов⁴. Вековые традиции историописания об Османах во многом задали легко поддающиеся карикатуризации и шаржированию стереотипы. Череда грозных султанов, жестоких пашей и визиров, прекрасных и опасных обитательниц гарема, невежественных мулл – все эти стереотипные образы Блистательной Порты как бы «застыли» в неподвижности глыб истории, но при этом стали выигрышным «материалом» для журналистского сарказма, шаржирования и сатирической интерпретации бурных перемен на Босфоре в начале XX в. Характерно и то, что те же образные и риторические приёмы становились способом критики – в подтексте! – собственных российских политических реалий, во многом совпадавших с ситуацией в реформирующейся и милитаризирующейся Турции. Проницательным читателям, наблюдавшим за политическими перипетиями в своей стране, легко было догадаться, на каких реакционных «султанов» и неугомонных «реформаторов» намекают сатирики, и какими «азиатскими зверствами» они возмущаются...

Характерно, что именно турецкая тематика накануне и в годы Великой войны становится полигоном для отработки и продвижения принципиально нового образа *германца* как врага, образа, опосредованного столкновением российских и германских интересов в южном, традиционно чувствительном «подбрюшьи» Российской империи. Модернизация уклада жизни в империи Османов, бурно стартовавшая в результате младотурецкой революции 1908 г., видится русским сатирикам как германский (и частично австрийский) проект закабаления Турции финансовыми инвестициями, милитаризацией экономики и – главное! – как путь к превращению территории «больного человека Европы» в плацдарм германской агрессии против России.

Знакомство с карикатурами, юмористическими стихами, фельетонами и анекдотами на страницах русских сатирических журналов предвоенного времени убедительно свидетельствует о понимании сатириками того, сколь взрывоопасными становились «дела азиатские» для мировой стабильности, и сколь провокационную роль в них играли те, кого тогдашние журналисты стереотипно называли «лукавыми доброжелателями» с Запада. Более того, готовность воспринять немца – «германца» и «австрийца» – как *актуального врага* первоначально формировалась в русской сатирической журналистике, как покажет дальнейший материал, именно на основе *восточной*, главным образом, *турецкой* проблематики. С началом и в ходе Первой мировой войны эта тема обретёт новое звучание и особую остроту, подпитываясь сводками с Кавказского фронта боевых действий.

Конечно же, русскую журнальную карикатуру, как и журнальную сатиру в целом, нельзя назвать источником, игнорируемым исследователями. В ряде интереснейших работ как обзорного, так и проблемно-

⁴ Finkel Carolina. Osman's Dream: The History of the Ottoman Empire Paperback. N.Y., 2007.

тематического характера эта тема уже получила своё освещение⁵. Но по сравнению с другими документальными свидетельствами отечественной и мировой истории этот сегмент исторического культурного наследия всё ещё ждёт своего комплексного, фронтального изучения.

Использованные в данной работе популярные отечественные сатирические издания (авангардный «Новый Сатирик» и более традиционные «Шут» и «Бич») в своих наиболее талантливых проявлениях зачастую преодолевали жанровую идентичность, поднимаясь на уровень трагедийного, эпического взгляда на происходившие события. Многие карикатуры и фельетоны, стихи и анекдоты той поры несли на себе отпечаток противоречивого, драматического слияния иронии и страха, сострадания и ненависти, сарказма и сочувствия, создавая пространство для широкой гаммы эмоций и переживаний, свойственных психологическому и эстетическому своеобразию русской культурной и художественной традиции. В своей жанрово-стилистической избыточности, в жизни сатирического текста и изображения на грани полярных эмоций, оценок и настроений наглядно проявлял себя

⁵ Стернин Г. Ю. Очерки русской сатирической графики. М., 1964; Евстигнеева Л. Журнал «Сатирик» и поэты-сатириков. М., 1968; Финягина Н. П. Сатирическая графика как исторический источник / Труды НИИ культуры. М., 1974. Т. 11. С. 128–207; Русская сатира и юмор второй половины XIX – начала XX в. М., 1988; Jahn H. Patriotic Culture in Russia During World War I. Ithaca. London, 1995; Jahn H. «Kaiser, Cossaks and Kolbasniks». Caricatures of the German in Russian Popular Culture // Journal of Russian Popular Culture. 1998, Spring; Norris S. A War Time Images. Russian Popular Prints. Wartime Culture and National Identity. N. I. Univ. Press. 2006; Голиков А. Г., Рыбачёнок И. С. Смех – дело серьёзное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М., 2010; Голиков А. Г. Проблемы источниковедческого изучения политической карикатуры (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского ун-та. Сер.: История. 2011. № 4. Сибгатуллина А. Т. Контакты тюркомусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX – XX вв. М., 2010; Сибгатуллина А. Т., Огюн Т. Черноморская операция и вступление Османской империи в мировую войну в материалах турецкой и российской печати // Первая мировая война в «восточном измерении»: сб. ст. М., 2014. С. 260–280; Васильев Д. Д. Российская пресса 1914 года о вступлении Османской Турции в войну // Первая мировая война в «восточном измерении»: сб. ст. М., 2014. С. 281–299.

Sternin G. Yu., *Ocherki russkoi satiricheskoi grafiki*, M., 1964; Evstigneeva L., *Zhurnal «Satirik» i poety-satirikonovtsy*, M., 1968; Finyagina N. P., *Satiricheskaya grafika kak istoricheskii istochnik*, Trudy NII kul'tury, M., 1974, T. 11, S. 128–207; *Russkaya satira i yumor vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.*, M., 1988; Golikov A. G., Rybachenok I. S., *Smekh – delo ser'eznoe. Rossiya i mir na rubezhe XIX–XX vekov v politicheskoi karikature*, M., 2010; Golikov A. G., *Problemy istochnikovedcheskogo izucheniya politicheskoi karikatury (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)*, Vestnik Moskovskogo un-ta, Ser.: Istoriya, 2011, № 4; Sibgatullina A. T., *Kontakty tyurok-musul'man Rossiiskoi i Osmanskoi imperii na rubezhe XIX – XX vv.*, M., 2010; Sibgatullina A. T., Ogyun T., *Chernomorskaya operatsiya i vstuplenie Osmanskoi imperii v mirovuyu voynu v materialakh turetskoi i rossiiskoi pechati*, Pervaya mirovaya voyna v «vostochnom izmerenii», sb. st., M., 2014, S. 260–280; Vasil'ev D. D., *Rossiiskaya pressa 1914 goda o vstuplenii Osmanskoi Turtsii v voynu*, Pervaya mirovaya voyna v «vostochnom izmerenii», sb. st., M., 2014, S. 281–299.

«серебряный век» русского искусства, до поры облагораживавший суровую реальность наступавшего на всех фронтах «века войн и революций».

Разные по уровню профессионализма, по масштабу культурных и общественных задач, эти издания имели общее свойство – они были непреходящим атрибутом тогдашней городской повседневности. Рассчитанные на городского обывателя разной степени образованности и общественной ангажированности, журналы в определенной мере формировали темперамент общественных настроений. Охарактеризовать политические пристрастия этого сегмента отечественной журналистики можно лишь условно. Своим *обыденным свободомыслием* эти издания поддерживали то силовое поле политической озабоченности, которое предопределяло весь строй русского ума, особенно – в кризисные эпохи. Существенно отличаясь от настроений и официальной плакатной пропаганды, и правой, черносотенной прессы, менталитет создателей большинства перечисленных изданий был ближе всего к политической культуре отечественного либерализма. Не претендуя на соответствие «высокому» либерализму уровня партийно-политической борьбы, «бытовой» либерализм отечественной сатиры этого направления питался настроениями интеллигентской массы, образованных горожан, читающей провинции и сам в свою очередь подпитывал эти настроения⁶.

По мере усиления внутреннего кризиса в стране и приближения к 1917 году в журнальных номерах всё чаще находим свидетельства бдительности цензоров – целиком белые страницы или «белые пятна» среди текста. Зато месяцы между февралём и октябрём 1917-го – по контрасту с прежней эпохой – дают настоящий взрыв сверхсвободы журналистского самовыражения. С принятием 27 апреля 1917 г. Закона о печати издания любых политических направлений могли в России издаваться беспрепятственно. С лета 1918 г. жёсткий курс новой власти приводит к исчезновению в советской России самого предмета данного исследования – русской сатирической журналистики либеральной направленности.

* * *

Наметившаяся «конфиденциальность» особых отношений Германии и Турции в предвоенные годы трактовалась русскими сатириками как форма политического доминирования и экономической эксплуатации этого неизлечимо «больного человека Европы» со стороны западных союзников. Впрочем, эта тема виделась и шире, воспринимаясь европейскими наблюдателями как одно из проявлений общемирового процесса, в русле которого быстрое перенятие восточными обществами внешних атрибутов западной цивилизации вело – одновременно – и к росту экстремистски-националистических настроений, и к ещё большей подчинённости интересам Запада.

Русским журнальным сатирикам на протяжении нескольких лет, непосредственно предшествовавших началу Первой мировой войны, доводилось не раз обращаться к сюжетам, связанным с геополитическими играми

⁶ Цит. по: *Евстигнеева Л.* Указ. соч. С. 67.
Evstigneeva L., *Op. cit.*, S. 67.

империй Габсбургов и Гогенцоллернов вокруг дряхлеющей державы Османов, переживавшей после младотурецкой революции хронический внутривнутриполитический кризис. Сомнительность австрийской и германской помощи Турции в Первой Балканской войне (1911–1912), равно как и сомнительность миротворческих устремлений Габсбургов и Гогенцоллернов во Второй Балканской войне (1912–1913) отечественные журналисты сделали дежурной, едва ли не центральной темой своих публикаций.

Именно тогда, ещё в предвоенные годы, визуальный образ «турка» и «Турции» – дряхлого старика (символ архаичности османской власти) или убогого калеки (метафора политической ущербности и потери территорий в Европе) прочно поселяется в русской журнальной сатире. Лишь изредка, куда реже, чем в былые времена, он дополняется женскими образами «турецкости», пребывавшими, как и прежде, в «страдательном залоге», подчёркивая зависимость турецкого общества и османского государства от «мужской» воли политиков, правителей, иностранных «доброжелателей» – вестернизаторов и пр.

Начавшаяся при султанине Абдуле Хамиде II перестройка турецкой армии под германским руководством уже давно вызывала и опасение, и возмущение Петербурга⁷. Очередной бурный всплеск тревоги по поводу неуклонного сближения Турции и Германии был связан с прибытием миссии германского генерала Лимана фон Сандерса в декабре 1913 г. в Стамбул. Заключённое в ноябре того же года соглашение между Германией и Турцией об отправке в Турцию германской военной миссии из 42 офицеров для реорганизации турецкой армии было воспринято в Петербурге как открытый вызов российским позициям в регионе. Тем более, что фон Сандерс был назначен непосредственно на должность командующего корпусом, расположенным на берегах Проливов... На прибытие миссии Сандерса на Босфор русские сатирики откликаются серией едких рисунков, критикующих поведение и наглых «гостей», и сервильных «хозяев». На карикатуре в журнале «Шут» под названием «Как дома» толстый германский офицер (в правой руке трубка, в левой – неременная кружка пива как устоявшийся визуальный символ «немецкости») по-хозяйски развалился на подушках на фоне минаретов «вечного города». Перед ним, скрестив руки в позе покорного подчинения, услужливо склонился турок. В уста толстощёкого немца автор вкладывает оскорбительную реплику в адрес турецкого «слуги» (рис. 1).

Изображая турецкие унижения, на которые страну обрекло германское военно-политическое присутствие, сатирики явно стремились показать всю опасность втягивания Турции в военный союз с Германией, при-

⁷ См.: Оруджев М. Г. Из истории проникновения германского империализма в Турцию (кон. XIX в. – 1914 г.). Баку, 1961; Шеремет В. И. Босфор, Россия и Турция в эпоху первой мировой войны. М., 1995.

Orudzhev M. G., *Iz istorii proniknoveniya germanskogo imperializma v Turtsiyu (kon. XIX v. – 1914 g.)*, Baku, 1961; Sheremet V. I., *Bosfor, Rossiya i Turtsiya v epokhu pervoi mirovoi voiny*, M., 1995.

ближающий вероятность мирового конфликта. А заодно и демонстрировали недовольство такой ситуацией в России.

Новый формат союзнических отношений и новые стратегии создания образов врага вскоре изменят репертуар сатирических публикаций на страницах российской журнальной печати. Приближение войны и окончательный выбор Турцией своей стороны в мировом конфликте диктовали потребность создания однозначных образов врага и более жёстких риторик враждебности. Вся историческая «толща» спрессовавшихся за века представлений об «угрозе с Востока» эффективно подпитывала враждебный образ турка, идейно и пропагандистски связанный с новыми, актуальными внешнеполитическими реалиями.

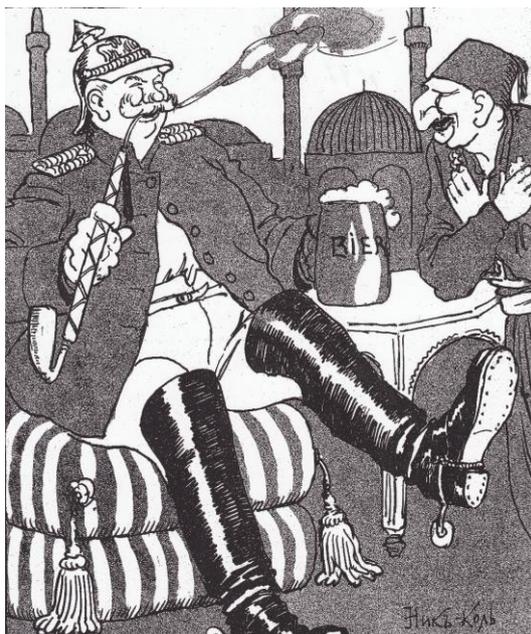

Рис. 1 «Ну, вот опять я на старом пепелище... Эй, Абдулка, сними сапогу!..»⁸.

На сложность тогдашнего положения турецких властей открыто намекала новосатириконовская миниатюра: унылый султан в окружении двух наложниц тяжело вздыхает: «– Положеньице: с немцами пойдёшь – русские поколотят... С русскими пойдёшь – а вдруг немцы верх возьмут?! Нейтралитет держишь – тоже плохо: немцы деньги отнимут!!... Вот тут и вертись...»⁹ (Рис. 2)

⁸ Шут. 1913. № 47. С. 11.

Shut, 1913, № 47, S. 11.

⁹ Новый Сатирик. 1914. № 37. С. 5.

Novyi Satirikon, 1914, № 37, S. 5.

Рис. Миссь.

Однако «вертеться» в неопределённости Турции оставалось недолго. Держава Османов, в начале августа 1914 г. заявившая о своём нейтралитете, уже в октябре была активно вовлечена в военные планы центральных держав. Тем более, что и армия, и флот когда-то грозной Блистательной Порты оказались к тому времени фактически под германским командованием. Как новый виток сатиры на «германский выбор» турецких властей воспринимается обложечная карикатура в одном из сентябрьских номеров «Нового Сатирикона», заранее предрекающая печальные последствия вовлечения Турции в ширящийся мировой конфликт великих держав. На рисунке «верный союзник» Турции, Вильгельм II, отбиваясь от противника – как дубинкой – при помощи тщедушного турка, бодро обещает ему: «Не бойся, Махмудка, ни один волос не спадёт с твоей головы». Только вот голова бедного «Махмудки» уже оторвалась в ходе энергичных действий его германского покровителя...¹⁰

Слабый, жалкий, обманутый «германцем» и «австрийцем» противник, жертва «коварных союзников», смертельно «больной человек Европы» – с таким набором эпитетов вступает «турок», как объект (одновременно) вражды и снисходительной жалости русских сатириков, в Первую мировую войну. События осени 1914 г. заставляла журналистов находить усиливающие негативный характер этого сатирического персонажа средства и сюжеты. Тем более, что положение на Кавказском фронте, растянувшимся от Чёрного моря до озера Урия полосой протяжённостью 720 км, периодически будет поставлять для этого обильный материал.

Когда без объявления войны в октябре 1914 г. произошёл двухдневный обстрел турецким флотом под командованием германского адмирала Сушена российских черноморских портов (Одессы, Севастополя, Феодосии и Новороссийска), части Кавказской отдельной армии получили приказ перейти границу и атаковать турецкие войска. С объявлением Россией войны Турции Кавказский фронт стал реальностью Великой войны, важным фактором дальнейшего развития военно-политической ситуации.

Российская сатирическая печать мгновенно отреагировала на тревожные события, взорвавшись серийными залпами саркастических текстов

¹⁰ Новый сатрикон. 1914. № 39. Обложка.
Novyi Satirikon, 1914, № 39, Oblozhka.

и рисунков. Тогда, в самом начале вооружённого противостояния с Османской империей, «турок» в лице младотурецкого милитаризма на какое-то время становится главным действующим лицом русской сатиры и основным объектом журналистской критики¹¹. В тот исторический момент он видится, как правило, наглым, но недалёковидным противником, заслуживающим разве что банальных каламбуров и язвительных усмешек¹².

На вступление Турции в войну новосатириконовский автор Аркадий Бухов откликается едким фельетоном «Тайны турецкого двора (Рассказ очевидца)». В нём в концентрированной форме присутствуют излюбленные русскими сатириками ориенталистские темы-маркёры *турскости* – слабый, безвольный султан, обнаглевшие гаремные жёны, алчные одалиски, осмелевшие, заносчивые подданные, унижительная зависимость турецкой политической элиты от германских властей... Автор как будто нарочито собирает воедино все старые и новые штампы демонстрации похолопленного «немцем» «турка» и самой Турции, опрометчиво вступившей в войну на стороне Центральных держав¹³.

Несамостоятельность Турции как участницы Великой войны, «вторичная» значимость турка как противника, отчаянное, но бесполезное стремление Турции «сохранить лицо» – именно в этих категориях интерпретировали русские журналисты политический подтекст событий, происходивших на Кавказском театре боевых действий и в турецкой столице.

Тяжёлые бои с турками в ноябре-декабре 1914 г. не без оснований воспринимаются сатириками как попытка Германии отвлечь внимание России и оттянуть силы русской армии от западного театра военных действий. Даже ценою потерь и поражений своего турецкого союзника. Готовность Германии воевать «до последнего турка» становится привычной шуткой русских сатириков, дежурным элементом трактовки военно-политической игры в треугольнике: Россия-Германия-Турция. На всём протяжении боевых действий на Кавказском фронте этой сатирической стратегии предстоит развиваться лишь в сторону ужесточения форм и риторик интерпретации роли «немца» как жёсткого, бессердечного прагматика, эксплуататора союзнической роли «турка».

Обложечная карикатура «Нового Сатирикона» напрямую иллюстрирует ситуацию, в которой Турция для Германии играет роль отвлекающего фактора, связывая военную активность России в Европе. Кайзер Вильгельм, зависший на воздушном шаре над полем сражения, готовится вышвырнуть из гондолы (прямо на штыки врагов!) турка – старенького, перепуганного человечка с выпученными от ужаса глазами. И обращается он при этом не к

¹¹ См.: «Бич». 1914. № 43–48; «Шут». 1914. № 39–45.

«Bich». 1914. № 43–48; «Shut». 1914. № 39–45.

¹² Новый Сатирикон. 1914. № 44. С. 11.

Novyi Satirikon. 1914. № 44. S. 11.

¹³ Там же. С. 6.

Ibid, S. 6.

своему «союзнику», а к самому себе, задумчиво размышляя вслух: «Внизу становится жарко. Сбросим-ка этот балласт, чтобы подняться повыше»¹⁴.

Демонстрация жёстко утилитарного отношения Германии к Турции присутствует в целой серии карикатур, своей частотой и последовательностью напоминающих комиксы. Десятки номеров «Нового Сатирикона» зимой 1914–1915 гг. пестрят рисунками, на которых германские военачальники заряжают артиллерийские орудия головами турок вместо ядер, а офицеры из военной миссии Сандерса заводят в Стамбуле гаремы, чтобы рождённых от турчанок детей готовить в солдаты для войны с Россией.... При этом в пространстве сатирического восприятия образ рядового турка всё более отдаляется от образа младотурецкого режима, персонифицированного в лице главного германофила, младотурецкого лидера Энвер-паши¹⁵.

Типична в этом смысле журнальная острота: Вильгельм II собирается наградить своего «верного союзника» младотурецкого лидера Энвера орденом «За заслуги», тогда как сами турки (намекает сатирик) уже готовы вручить ему «орден деревянный на шёлковом шнурке. И не он висит на человеке, а человек висит на нём»¹⁶.

«Простой турок» (как противник в боях с русскими) всё чаще изображается жалким в своей неумелости, в неосмотрительной готовности до поры обманываться насчёт «немца» как союзника и покровителя. Эта линия снисходительного сочувствия будет присутствовать в интерпретации «турка» наряду с однозначной критикой и сокрушительной сатирой на него как актуального противника – но именно в лице младотурецких властей. Очевидно, как и в довоенное время, образы «простого турка» и турецких властей имели в русской сатире разные оценочные коннотации и трактовались (визуально и текстуально) с помощью разных юмористических стратегий.

Со смесью сарказма и снисходительного сочувствия к «турку» описываются сатириками наиболее яркие эпизоды боевых действий между Турцией и Россией, к примеру, Сарыкамышская операция декабря 1914 – января 1915 гг., в ходе которой русская Кавказская армия остановила наступление турецких войск на Карс, разгромила их и перешла в контрнаступление. Характерно, что в тексте рассказа талантливого сатирика Аркадия Аверченко и в этом случае вместо ненависти к турку и Турции присутствует лишь ироничное – до озорства – стремление показать всю нелепость военных устремлений турецкого режима, обременительных, прежде всего, для его же народа. Короче говоря, только «спьяну» и можно было решиться на эту и подобные ей военные

¹⁴ Новый Сатирикон, 1914 год. № 44. Обложка.

Novyi Satirikon, 1914 god. № 44. Oblozhka.

¹⁵ См.: Там же. 1914. № 48–51; 1915. № 2–8.

Ibid, № 48–51; 1915. № 2–8.

¹⁶ Там же. 1914. № 46. С. 9.

Ibid, 1914. № 46. С. 9.

авантюры, да разве мусульманам эта слабость позволена?.. – лукаво подмигивает просвещённому читателю сатирик¹⁷.

Заметим, что поводом для сатирической миниатюры Аверченко послужили отнюдь не комедийные, а весьма тревожные события, начавшиеся ещё в ноябре 1914 г., когда турецкие войска вторглись на территорию российского Закавказья в прибрежной зоне и заняли плацдарм у крепости Батум. Это потребовало срочного направления сюда отряда, которому было предписано начать вытеснение турецких войск.

Возникает вопрос: насколько справедливыми и близкими к реальности были шутки сатириков над турками как воюющей стороной – над их «слабостью», «неспособностью» вести современную войну, над отсутствием «мужества и стойкости в бою»? События, связанные с Сарыкамышской операцией, ставшей одним из легендарных эпизодов Первой мировой войны на Кавказском фронте, заставляли, как будто бы, по-другому взглянуть на реальность сражений с этим традиционным для России «врагом с Востока». Да и предшествовавшие этой операции события на Кавказском фронте в октябре – ноябре 1914 г. давали повод, скорее, для тревоги, чем для «шапкозакидательских» настроений¹⁸.

Сарыкамышская операция, как серьёзная и нелегко доставшаяся русской армии победа, вписала свою важную страницу в историю Первой мировой войны и отнюдь не была тем полуводевильным приключением при столкновении с «незадачливым турком», как это подчас рисовали в своих материалах журналисты-сатирики. Возможно, таким образом они стремились подбодрить общество и армию (что закономерно для сатиры военного времени), но в данном случае подобная стратегия выглядела сомнительной, ибо несколько обесценивала победу собственной армии.

По мере развития военных событий, образы турка и немца обретают свои устойчивые эмблемы. И в визуальном, и в нарративном портретировании противников всё чаще используются такие характерные атрибуты, как каска и феска. Два символа – германского милитаризма и турецкой агрессивной архаики – оказываются на страницах журналов в игривом, но опасном союзе, над которым вдоволь подтрунивает поэт-сатирик: Наметилась резко занятая сказка: / Жила-была Феска, жила-была Каска... / Единожды Феска укрылась под Каску, / Надеюсь (и веско!) на Каскину ласку. / А Каска тем часом укрылась под Феску / И где-то фугасом наделала треску. / И этим всю сказку свела к серой были: / И Феску, и Каску — побили!¹⁹

¹⁷ Новый Сатирикон. 1914. № 50. С. 6.

Novyi Satirikon. 1914. № 50. S. 6.

¹⁸ Подробнее: *Мартirosян Д. Г. Сарыкамышская операция (12–24 декабря 1914 г.)* // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2006. Вып. 7. С. 55–65.

Martirosyan D. G., *Sarykamyshskaya operatsiya (12–24 dekabrya 1914 g.)*, Voenno-istoricheskie issledovaniya v Povolzh'e, Saratov, 2006, Vyp. 7, S. 55–65.

¹⁹ Новый Сатирикон. 1914 г. № 44. С. 9.

Novyi Satirikon. 1914 g. № 44. S. 9.

Символика каски и фески будет развиваться и дальше, приобретая всё более жёсткие и откровенные формы сатирических намёков. К примеру, на одной из новосатириконовских карикатур турок, в начале войны расположившийся в немецкой каске, как в уютном гнездышке, и подкармливаемый заботливым «родителем», в разгар войны оказывается насаженным – как на кол – на шишак этой каски²⁰ (Рис. 3):

Рис. 3

В ответ на события начала 1915 г., когда части Кавказской армии остановили наступление 3-ей турецкой армии под командованием Энвера-паши на Карс, наголову разгромили их, а потом начали освобождение от турок южной Аджарии и Батумской области, поэт Владимир Воинов откликнулся маршево-частушечными куплетами под названием «Бедный аскер». Бодро начавший войну турецкий воин в итоге оказывается на больничной койке, преданный своим же немецким союзником²¹.

Очевидно, истинных своих врагов, по мнению сатирика, туркам стоило искать в собственных штабах, а не на полях сражений с русскими. Так «старый враг», русский, оказывался в военной реальности для турка лучше «нового друга», немца. Этот новый поворот в развитии темы турецко-германской «взаимности» будет лишь нагнетаться в дальнейших сатирических публикациях на тему событий на Кавказском фронте.

²⁰ Новый Сатирикон. 1914 г. № 45. Обложка.

Ibid, 1914 g. № 45. Oblozhka.

²¹ Новый Сатирикон. 1915. № 8. С. 7.

Novyi Satirikon, 1915, № 8, S. 7.

Успехи русских войск на Южном фронте на протяжении 1915 г. – Алашкертская операция июля-августа и Хамаданская операция октября-декабря – существенно повлияли на ход Первой мировой войны, облегчив английским войскам действия в Месопотамии, а русским – возможность взять под контроль территории Северной Персии и предотвратить таким образом вступление Персии в войну на стороне центральных держав. И победы эти доставались нелегко, Кавказский фронт держал в напряжении российское командование, заставляя привлекать к военным операциям там лучшие силы русской армии²².

На этом победном фоне, богатом яркими событиями, легко отыскивались выигрышные сюжеты для саркастической трактовки характера германской «помощи» и германского «покровительства» турецкому режиму. Типичный пример сатирической карикатуры этого времени – предательский жест «германца», сбрасывающего с минарета мечети полуживого от страха турка со словами: «Падай, падай, Махмуд! Пользуйся случаем: враги так близко подошли, что тебе, наверное, удастся задавить одного-другого из проклятых гяуров!»²³.

Особо отметим: в целом русская журнальная сатира на турка как «врага с Востока» (и в эпоху Первой мировой войны, и в предшествующий период) была свободна от глумления над религией противника. Подтрунивание над спецификой семейно-бытового уклада турок, освящённого исламскими социальными нормами (многожёнство, гаремы и пр.), не поднималось до уровня религиозной вражды, демонстрируя сдержанность русских сатириков в этом деликатном вопросе. Никакого «антиджихада» русская сатирическая журналистика Турции не объявила, даже после того, как режим младотурок провозгласил «священную войну» странам Антанты. В шутках «ориенталистского» толка, обыгрывавших «экзотику» османских нравов, звучала, прежде всего, ирония над стремлением младотурецких лидеров совместить малосовместимое – показную верность мусульманским обычаям с реальным стремлением понравиться Западу.

В русле именно такой сатирической стратегии работает и новосатириконовская карикатура конца декабря 1915 г. Печальный итог растущей турецкой зависимости от Германии в военной кампании уходящего года журнал подводит, в очередной раз обыгрывая «гаремную» тему. На рисунке, стилизованном под восточную миниатюру, изображены печальный султан и страдающие одалиски – «Гарем в 1915 году». Подпись-диалог под карикатурой поясняет эту мелодраматическую мизансцену в султанских покоях: «Что это наш повелитель нынче так грустен? - Да, видишь ли, он хотел сегодня

²² См.: Базанов С. Н. За честь и величие России // Забытая война: сб. ист. лит. произв. М., 2001. С. 382–386.

Bazanov S. N., *Za chest' i velichie Rossii, Zabytaya voina*, sb. ist. lit. proizv, M., 2001, S. 382–386.

²³ Новый Сатирикон. 1915. № 10. Обложка.

Novyi Satirikon, 1915, № 10, Oblozhka.

одарить своей любовью Зулейку, а немецкий инструктор, что состоит при гареме, назначил ему старую Фатьму...»²⁴

Карикатурист явно стремится добиться двойного эффекта – не только показать зависимость высших властей Османской империи от германских советников, но и самих этих советников глумливо выставить в роли неких «инструкторов» и «менеджеров» при гареме, каковые, по давней османской традиции, были... евнухами.

Но случались при султанском дворе вещи ещё более странные. Например, по наблюдению сатириков, турецкие военачальники в присутствии султана стали ходить только «задом наперёд», повергая ошеломлённого правителя в полное недоумение (о чём нас оперативно информирует журнал «Новый Сатирикон»). Автор карикатуры, скрывшийся под инициалами «В.Л.», поясняет это странное зрелище подписью под рисунком, озаглавленным «Привычка – вторая натура»: «Султан: – Почему этот генерал приближается ко мне так странно? – Он иначе не может, царь царей. На Кавказском фронте командовал – привык пятиться»²⁵ (Рис. 4).

Рисунок был, что называется, «в тему». 1916 г. стал победным для русских войск на Кавказском фронте. Успехи Эрзерумской (январь – февраль), Трапезундской (январь – апрель) и Огнотской (июль – август) операций позволили сделать здесь стратегическую паузу. Примечательно, что существенные достижения русской армии – взятие крепости Эрзерум, занятие Трапезунда, наступление русского кавалерийского корпуса на мосульском и багдадском направлении, взятие Керманшаха – дают ещё один повод сатирикам продемонстрировать политический цинизм Германии в отношении её слабеющего сателлита²⁶.

На карикатуре под названием «Друз» отражено представление журналистов о предельном цинизме германского союзника по отношению к терпящей поражение Турции. Немец-военачальник с равнодушно-туповатым выражением лица обращается к лежащему у его ног калеке-турку (у того отрублены все конечности – символический знак сокращения территории Турции в ходе войны): «Рук мне твоих не жаль, Ахмет, – они мало мне помогали, а ног жалко. Сколько бы фатерлянд заработал на поставке тебе обуви!..»²⁷ (Рис. 5).

²⁴ Новый Сатирикон. 1915. № 51. С. 5.

Novyi Satirikon, 1915, № 51, S. 5.

²⁵ Там же. 1916. № 23. С. 7.

Ibid, 1916. № 23. S. 7.

²⁶ Цит. по: *Португальский Р. М., Алексеев П. Д., Рунов В. А.* Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994. С. 237.

Portugal'skii R. M., Alekseev P. D., Runov V. A., *Pervaya mirovaya v zhizneopisaniyakh russkikh voenachal'nikov*, M., 1994, S. 237.

²⁷ Новый Сатирикон. 1916. № 16. С. 3.

Novyi Satirikon, 1916, № 16, S. 3.

Рис. 4, 5

Рис. 6 «- Вот когда бы я подписал мир обеими руками!..»²⁸

Карикатура в апрельском номере «Нового Сатирикона» логически завершает эту линию усекновения частей «организма» Османской империи, неумолимо приближавшейся к своему историческому финалу. Лишённая своих «конечностей» и всё более теряющая свой международный «вес», Турция даже не может по своей воле выйти из войны и подписать

²⁸ Новый Сатирикон. 1916. № 20. С. 6.
Novyi Satirikon. 1916. № 20. S. 6.

мирный договор – нечем! Подпись к рисунку под грубоватым названием «Бодливой корове Бог рог не даёт» (западные дипломаты с досадой и сомнением смотрят на покалеченного турка, лежащего на постели), передаёт тайные, несбыточные желания безнадежного «больного» (рис. 6).

В развитие темы журналисты-сатирики по горячим следам побед русских войск в 1916 г. (взятие под контроль большей части Западной Армении, овладение крупными городами – Эрзерумом, Трапезундом, Ваном, Эрзинджаном и Битлисом) продолжают шлифовать свой инструментарий критики, высмеивая неумение турок воевать, слабость султанской власти и уже не слишком уместную германофилию турецкой элиты. Но прежде всего – незавидное положение Турции в целом из-за включённости в «мировую бойню» на стороне Центральных держав²⁹.

Следующие два года существенно изменяют основной ракурс взгляда российских сатириков на врагов как с Запада, так и с Востока, обратив их взгляд к событиям в собственной стране, где военные тяготы всё активнее провоцировали внутренние раздоры, социальную вражду и политический экстремизм. Образ «турка» отойдёт на второй план в общем репертуаре объектов вражды, чтобы снова (но в другом качестве) на короткое время появиться на страницах сатирических журналов. Актуальным контекстом для этого исчезающего образа станет крах старых имперских режимов. Главным мотивом становится ощущение общности судеб отживших свой срок держав, близящийся и, как показала история, схожий финал старых режимов.

Так, в одном из весенних номеров журнала «Бич» 1917 г., когда судьба Дома Романовых была уже предопределена временем, находим примечательный рисунок. На символическом корабле, готовом отплыть в историческое небытие, собралась толпа «бывших» – монархов, среди которых, наряду с Николаем II, выделяется своей феской с полумесяцем дряхлый турок, воплощение некогда грозного Дома Османов. Все они только и ждут, когда по трапу на корабль поднимется сам Вильгельм Гогенцоллерн³⁰...

Столь же знаковой в этом смысле воспринимается и карикатура под названием «Четвёртый партнёр» в одном из мартовских номеров «Нового Сатирикона». В ней средствами сатиры подводятся драматический итог эпохе старых режимов, сгоревших в пламени Первой мировой. Троица «бывших» – персидский шах, турецкий султан и португальский король со злорадными усмешками встречают появление «нового партнёра» – Николая Романова. В одной руке он жестом попрошайки держит корону, а в другой у него – жалкий чемоданчик, да поводок, на котором отставной российский самодержец ведёт горько рыдающего ощипанного двуглавого орла без крыльев...³¹

²⁹ Новый Сатирикон. № 38. С. 8.

Novyi Satirikon, № 38, С. 8.

³⁰ Бич. 1917. № 23. С. 11.

Bich, 1917, № 23, S. 11.

³¹ Новый Сатирикон. 1917. № 11. С. 4.

Novyi Satirikon, 1917, № 11, S. 4.

В тот же период весны-лета 1917 г. на фоне дискуссий в российской печати о возможности заключения мира сатирики обращаются к теме предполагаемой реакции противников России на перспективу переговоров. В этом смысле Турция видится главным кандидатом (или, по крайней мере, главным персонажем, жаждущим мира) на выход из войны. Понятно, что препятствием к этому оказывалась позиция «заклятого друга» турок – Германии. В «Новом Сатириконе» находим примечательную карикатуру – трое турок за кальяном уныло обсуждают политическую ситуацию: «– Противно читать о русских... Столько времени говорят о сепаратном мире, спорят, волнуются... Противно прямо... – Ещё бы не противно... – Конечно. Предложи нам – да разве бы мы разговаривать стали? В три дня подписали бы...»³².

На обложке одного из последних номеров «Нового Сатирикона» (июнь 1918 г.), когда Брест-литовское перемирие уже вывело Россию из войны империалистической и ввергло её в войну гражданскую, находим последний рисунок, в котором присутствует образ «турка». Огромный «германец» запихивает в свой мешок народы мира – жертвы его агрессивных устремлений. А рядом с ним тощий турок, поглядывая на союзника снизу-вверх, тоже пытается костлявыми ручками запихнуть народы своей расползающейся державы в свой мешок. Где-то внизу, у их ног, бравый красноармеец отстреливает несчастных «мешочников», борясь тем самым с «контрреволюцией, мешочничеством и саботажем». Подпись под карикатурой язвительно трактует ситуацию, показывая, что новая российская власть воюет с собственным народом, предательски отказавшись от борьбы с внешним врагом: «Маленькие мешочники, с которыми власть воюет, и БОЛЬШИЕ МЕШОЧНИКИ, с которыми власть не воюет»³³.

В целом же образ Турции к концу войны всё более становится лишь поводом для внутренней рефлексии на российские темы. Черты старости, дряхлости, изнурения, нагнетающиеся в образе турка в ту пору, конечно же, отражали не только (и не столько) представления об «изношенности» османского могущества, окончательно разрушенного в боях Великой войны. За этими символами видится, на наш взгляд, возраст вражды, связавшей когда-то судьбы двух государств и народов, но вражды дряхлевшей, изживавшей себя на фоне понимания общности внутренних проблем России и Турции.

Военно-политический контекст этой журнальной рефлексии на турецкую тему был трагичен для всех участников событий на Кавказском фронте. «В марте 1918 г. остатки русской и её наследницы армянской армии окончательно покинули турецкую землю, – писал в своих воспоминаниях полковник русской армии А. К. Шнеур. – Все усилия и победы в тяжёлой войне были сразу сведены к нулю. Обессиленная, разбитая русскими Турция

³² Новый Сатирикон. № 23. С. 9.
Novyi Satirikon, № 23, S. 9.

³³ Там же. 1918. № 12. Обложка.
Ibid, 1918, № 12, Oblozhka.

сама протягивала руку мира, поднялась, как больная после тяжёлой болезни, и, спотыкаясь, еле переставляя ноги, поплелась к границе»³⁴.

Экцессы младотурецкой политики под влиянием германо-австрийских интриг, а вовсе не «конфликт вер и культур» видится журналистам как главный источник появления Кавказского фронта и обострения этно-конфессиональной ситуации в Турции в эпоху Первой мировой. Тем примечательней становится развитие темы «врага с Востока» к концу войны. На периферию восприятия уходит фобийная составляющая образа «турка» и державы Османов, разделившей в итоге судьбу империи Романовых. А сами «реальные» турки, проигравшие войну, становятся «друзьями по несчастью». Особенно – для волны белой эмиграции, заполонившей в начале 1920-х гг. улицы когда-то вожденного русскими патриотами Царьграда-Стамбула...

Преодоление «языка вражды» в отношении «турка», волнообразно происходившее в русской журнальной сатире начала XX в., к концу Первой мировой войны перейдёт в стадию размывания этого образа как культурного факта и как совокупности традиционных символов «Врага с Востока». Этому феномену можно давать разные объяснения: общие для двух народов проблемы срыва модернизации, общие беды из-за расцвета «агрессивных национализмов», губительные социальные катастрофы военного времени, политический эгоизм союзников и т. д.³⁵

В этом смысле изучение процесса медийного конструирования образа Турции и «турка» как соседа, соперника, противника, врага и жертвы Первой мировой войны в российской сатирической журналистике, а также трудного и во многом драматического опыта преодоления фобийных составляющих этого образа представляется важной исследовательской и научно-практической задачей. Подобный подход помогает не только выявлению истоков «языка вражды», но и его аналитической деконструкции. Именно на этом пути, как представляется, возможен процесс демифологизации и преодоления ряда бытующих в мире «наследственных» ксенофобий в адрес Востока как производных от внутренних кризисов общества в эпоху ускоренной модернизации, социальной нестабильности, этноконфликтов, всплесков националистических настроений и обострения внешних угроз.

Список литературы:

1. *Базанов С. Н.* За честь и величие России // *Забытая война: сб. ист. лит. произв.* М.: Содружество «Посев». 2011. С. 380–389.

³⁴ Цит. по: *Пагануцци П.* Император Николай II – спаситель сотен тысяч армян от турецкого геноцида // *Родина.* 1993. № 8–9. С. 96.

Paganutstsi P., Imperator Nikolai II – spasitel' soten tysyach armyan ot turetskogo genotsida, Rodina, 1993, № 8–9. S. 96.

³⁵ См.: *Петросян Ю. А.* Османская империя: могущество и гибель. М., 1990; *Петросян И. Е., Петросян Ю. А.* Османская империя. Реформы и реформаторы (конец XVIII – начало XX в.). М., 1993; *Россия, Запад и мусульманский Восток в новое время.* СПб., 1994; *Шеремет В. И.* Война и бизнес. М., 1996.

2. *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарии, анализ. М.: Новый хронограф. 2010.
3. *Васильев Д. Д.* Российская пресса 1914 года о вступлении Османской Турции в войну // Первая мировая война в «восточном измерении»: сб. ст. М.: ИВ РАН, 2014. С.281–299.
4. *Голиков А. Г., Рыбачёнок И. С.* Смех – дело серьёзное. Россия и мир на рубеже XIX-XX веков в политической карикатуре. М.: Изд-во ИРИ РАН, 2010.
5. *Голиков А. Г.* Проблемы источниковедческого изучения политической карикатуры (вторая половина XIX -начало XX в.) // Вестник Московского ун-та. Сер. История. 2011. № 4.С. 51–71.
6. *Гудков Л.* Негативная идентичность. М.: «ВЦИОМ-А». 2004.
7. *Евстигнеева Л.* Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконовцы. М.: Наука, 1968.
8. *Мартыросян Д. Г.* Сарыкамышская операция (12–24 декабря 1914 г.) // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2006. Вып. 7. С. 55–65.
9. *Оруджев М. Г.* Из истории проникновения германского империализма в Турцию (кон. XIX в. – 1914 г.). Баку: Азербайдж. гос. изд-во, 1961.
10. *Пагануцци П.* Император Николай II – спаситель сотен тысяч армян от турецкого геноцида // Родина. 1993. № 8–9. С. 95–96.
11. *Петросян Ю. А.* Османская империя: могущество и гибель. М.; Наука. 1990.
12. *Петросян И. Е., Петросян Ю. А.* Османская империя. Реформы и реформаторы (конец XVIII – начало XX в.). М.: Наука, 1993.
13. *Португальский Р. М., Алексеев П. Д., Рунов В. А.* Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М.: Элакос, 1994.
14. *Стернин Г. Ю.* Очерки русской сатирической графики. М.: Искусство, 1964.
15. *Сибгатуллина А. Т.* Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX – XX вв. М.: Исток, 2010.
16. *Сибгатуллина А. Т., Огюн Т.* Черноморская операция и вступление Османской империи в мировую войну в материалах турецкой и российской печати // Первая мировая война в «восточном измерении»: сб. ст. М.: ИВ РАН, 2014. С. 260–280.
17. *Тарановски Т.* Между Европой и Азией: небесспорная симметрия // Родина. 1995. № 8.
18. *Финягина Н. П.* Сатирическая графика как исторический источник. М.: Труды НИИ Культуры, 1974.
19. *Шеремет В.И.* Босфор, Россия и Турция в эпоху первой мировой войны. М.: Технологическая школа бизнеса, 1995.
20. *Шеремет В. И.* Война и бизнес. М.: Технологическая школа бизнеса, 1996.
21. *Finkel C.* Osman's Dream: The History of the Ottoman Empire Paperback. N.Y. Columbia Univ. Press, 2007.
22. *Jahn H.* Patriotic Culture in Russia During World War I. Ithaca; London, 1995.

23. Jahn H. «Kaiser, Cossaks and Kolbasniks». Caricatures of the German in Russian Popular Culture // Journal of Russian Popular Culture. 1998, Spring. S. 109–122.
24. Norris S. A War Time Images. Russian Popular Prints. Wartime Culture and National Identity. N.I.Univ. Press, 2006.

CAUCASIAN FRONT OF THE WORLD WAR I IN THE OBJECT-LENS OF RUSSIAN SATIRE JOURNALISM

T. A. Filippova

Russian Academy of Sciences, The Institute of Oriental Studies, The Institute of Russian History, *Moscow, Russia*

The article is dedicated to the study of constructing the image of Turkey and the «Turk» as a historical neighbor, a rival and a victim of the World War I era in Russian satirical press of the early 20 century, as well as of hard and dramatic experience of overcoming the phobic components of this image. The main point and the actuality of this research and its practical task lies within the fact that this approach is to determine not only the sources the sources of the «language of enmity» in media sphere, but also those of its analytical deconstruction. Using the materials of magazine satire of 1914–1918 (the most popular and influential magazines in this area – «Novyj Satiricon», «Shut», «Bich») covering the events on Caucasian front, the author demonstrates the process of actualization - and then demythologization – of a number of «inherited» stereotypes and phobias towards the «Turks» and the Ottoman Empire that were present in Russian social consciousness.

Keywords: *World War I, Caucasian Front, Russian satire, Russian caricature, Ottoman Empire, enemy images, enmity rhetoric, Young Turk Revolution, «Noviy Satiricon», «Shut», «Bich».*

Об авторе:

ФИЛИППОВА Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории, (117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: filipova2006@yandex.ru

About the author:

FILIPPOVA Tatiana Alexandrovna – The Candidate of History, The Senior Research Fellow, The Institute of Russian History, The Russian Academy of Sciences, (117036 Moscow, Dmitry Ulyanov Str., 19), e-mail: filipova2006@yandex.ru

References

- Bazanov S. N., *Za chest' i velichie Rossii, Zabytaya voina*, M., Sodruchestvo «Posev», 2011.

- Buldakov V. P., *Haos i etnos. Etnichskie konflikty v Rossii 1917 – 1918 gg.: ustoriya vozniknoveniya, hronika, kommentarii, analiz*, M., Novyi hronograf, 2010.
- Vasil'ev D. D., *Rossiiskaya pressa 1914 goda o vstuplenii Osmanskoi Turcii v voynu*, Pervaya mirovaya voina v «vostochnom izmerenii», sb. st., M., IV RAN, 2014.
- Golikov A. G., Rybachyonok I. S., *Smeh – delo ser'eznoe. Rossiya i mir na rubeje XIX–XX vekov v politicheskoj karikature*, M., 2010.
- Golikov A. G., *Problemy istochnikovedcheskogo izucheniya politicheskoj karikatury (vtoraya polovina XIX-nachalo XX v.)*, Vestnik Moskovskogo un-ta, Ser. Istoriya, 2011, № 4.
- Gudkov L., *Negativnaya identichnost'*, M., NLO, «VCIOM-A», 2004.
- Evstigneeva L., *Jurnal «Satirikon» i poety-satirikonovcy*, M., Nauka, 1968.
- Martirosyan D. G., *Sarykamys'skaya operaciya (12-24 dekabrya 1914 g.), Voенно-istoricheskie issledovaniya v Povolj'e*, Saratov, 2006, Vypusk 7.
- Orudjev M. G., *Iz istorii proniknoveniya germanskogo imperializma v Turciyu (kon. XIX v. – 1914 g.)*, Baku, 1961.
- Paganucci P., *Imperator Nikolai II – spasitel' soten tysyach armyan ot tureckogo genocida*, Rodina, 1993, № 8–9.
- Petrosyan Yu. A., *Osmanskaya imperiya: mogutshestvo i gibel'*, M., Nauka, 1990.
- Petrosyan I. E., Petrosyan Yu. A., *Osmanskaya imperiya. Reformy i reformatory (konec XVIII – nachalo XX v.)*, M., Nauka, 1993.
- Portugal'skii R. M., Alekseev P. D., Runov V. A., *Pervaya mirovaya v jizneopisaniyah russkih voenachal'nikov*, M., Elakos, 1994.
- Sternin G. Yu., *Oчерки russkoj satiricheskoi grafiki*, M., Iskusstvo, 1964.
- Sibgatullina A. T., *Kontakty tyurok-musul'man Rossiiskoi i Osmanskoi imperii na rubeje XIX – XX vv.*, M., Istok, 2010.
- Sibgatullina A. T., *Turciya nachala XX v. v rossiiskoi politicheskoi satire*, Tezisy II Mejdunarodnoi konferencii «Arhivnoe vostokovedenie», M., 2011.
- Sibgatullina A. T., Ogyun T., *Chernomorskaya operaciya i vstuplenie Osmanskoi imperii v mirovuyu voynu v materialah tureckoi i rossiiskoi pechati*, Pervaya mirovaya voina v «vostochnom izmerenii», sb. st., M., IV RAN, 2014.
- Taranovski T., *Mejdu Evropoi i Aziei: nebesspornaya simmetriya*, Rodina, 1995, № 8.
- Finyagina N. P., *Satiricheskaya grafika kak istoricheskii istochnik*, M., Trudy Instituta Kul'tury, 1974.
- Sheremet V. I., *Bosfor, Rossiya i Turciya v epohu pervoi mirovoi voiny*, M., Tehnologicheskaya shkola biznesa, 1995.
- Sheremet V. I., *Voyna i biznes*, M., Tehnologicheskaya shkola biznesa, 1996.

Статья поступила в редакцию 10.10.2014 г.